

Фаза 1

*Единственный нормальный способ
использовать компьютер — это играть на нем.*

**Юджин Джарвис,
создатель видеоигры Defender**

1

Я сидел в классе и смотрел в окно, мечтая о приключениях, когда неожиданно заметил в небе летающую тарелку. Я моргнул — но тарелка не исчезла; блестящий хромированный диск зигзагами продвигался по небу так быстро, что я едва мог за ним следить. Если на корабле и были люди, то они наверняка уже пустили сок.

Тарелка устремилась к горизонту, на несколько мгновений застыла над лесом, словно сканируя невидимым лучом окрестности, и резко взмыла вверх, своими маневрами и скоростью бросая вызов законам физики.

Сохраняя спокойствие и стараясь мыслить скептически, я напомнил себе, что являюсь приверженцем науки, — и даже несмотря на «тройки» по техническим дисциплинам, ошибаться не мог! Я видел не метеорит, не метеозонд, не болотный газ и не шаровую молнию — я наблюдал в небе неопознанный летающий объект, и он совершенно определенно прибыл к нам из космоса.

«Ни хрена себе, — подумал я. — Все-таки это произошло. Невероятно!» Ведь с тех самых пор, как я пошел в детский сад, я ждал, я надеялся, что какое-нибудь потрясающее событие изменит наш мир и нарушит бесконечное однообразие моей жизни. Я провел сотни часов, разглядывая спокойный, покоренный пригородный ландшафт в окрестностях школы, втайне мечтая о конце света, нашествии зомби, внезапном появлении путешествующего во времени отряда гномов-клептоманов или любом другом жутком происшествии, в результате которого приобрел бы сверхъ-

естественные способности. Многие из этих мрачных фантазий начинались именно с неожиданного прибытия в наш мир существ с другой планеты. Но само собой, я не верил в то, что когда-нибудь это произойдет. Ведь даже если инопланетяне и решили бы заглянуть на нашу ничтожную синезеленую планетку, вряд ли бы хоть один уважающий себя пришелец захотел вступить в контакт с жителями моего родного Бивертонга, что в штате Орегон. Это же самый скучный город в США! Другое дело, если бы в соответствии с планами уничтожения нашей цивилизации, инопланетянам пришлось бы начинать с самых неинтересных мест.

Черт побери, здесь и сейчас — прямо на моих глазах — происходило что-то невероятное! За окном парила летающая тарелка!

Я украдкой взглянул на своих приятелей Круза и Дила, которые сидели у меня за спиной и о чем-то перешептывались, не замечая происходящего за окном. Мне ужасно хотелось привлечь их внимание. Но объект мог исчезнуть в любую секунду, и я не хотел упускать этот момент.

Заметив серебристую вспышку, я снова бросил взгляд в окно и увидел, как корабль полетел боком, остановился, ненадолго завис над землей и опять помчался вперед. Перелет, остановка. Перелет, остановка. Он точно приближался! Теперь я мог разглядеть его очертания во всех подробностях. На несколько секунд тарелка накренилась, и я впервые отчетливо увидел, как она выглядит, если смотреть на нее сверху. Оказалось, что на самом деле это даже не тарелка — ее симметричный корпус напоминал секиру с двумя лезвиями, между зазубренными крыльями которых находилась черная восьмигранная призма, сверкающая в лучах утреннего солнца, словно черный самоцвет.

Мой мозг закоротило. Дизайн этого корабля я не мог спутать ни с чем другим — я видел его в течение нескольких лет почти каждый вечер. И сейчас за окном была именно «глефа» — истребитель собрукаев, враждебно настроенных инопланетян из моей любимой видеоигры «Армада». Конечно, это было невозможно. С таким же успехом я мог увидеть в небе ПЕ-истребитель или «Боевую птицу» клингонов. Собрукаи и их истребители «глефы» — вымышленные объекты

из видеоигры, в реальном мире они не существовали. В нашем мире видеоигры и вымышленные космические корабли не могли стать частью реальности. Такая хрень обычно происходила лишь в отстойных фильмах 80-х, типа «Трон», «Военные игры», «Последний звездный боец», от которых фанател мой отец.

Когда сияющий корабль накренился, я смог разглядеть его лучше. Без сомнений, это «глефа». У нее даже имелись бороздки на фюзеляже, похожие на следы когтей, а спереди, точно клыки, торчали две плазменные пушки.

Всему этому я мог дать лишь одно разумное объяснение: у меня галлюцинация. Причем я прекрасно знал, какие люди страдают от галлюцинаций при свете дня, не прибегая к наркотикам и алкоголю, — те, у кого основательно поехала крыша, у кого шарики совсем зашли за ролики.

Кстати, я довольно часто думал, не был ли одним из таких людей мой отец. Особенно я укрепился в этой мысли, почитав его старые дневники. Из них я понял, что под конец жизни он стал слегка неадекватным и, возможно, даже утратил способность отличать реальный мир от видеоигр.

И вот сейчас с той же проблемой столкнулся я!

Может, мои опасения оправдывались, и яблочко совсем недалеко упало от психованной яблони?

Или я под кайфом? Хотя нет, невозможно. Утром я съел лишь слойку с клубничной начинкой — причем проглотил ее в машине по дороге в школу. Не могла же безумная галлюцинация с космическим кораблем начаться из-за замороженной выпечки! Вероятнее всего, причина все же в моей наследственности. Я сам во всем виноват. Мог же принять меры предосторожности, а вместо этого поступил ровно наоборот — как и мой предок, всю жизнь поглощал огромные дозы чистого, неразбодяженного эскапизма и по своей собственной воле позволил фантазии стать реальностью. Я практически слышал в голове вопль Оззи: «Поехали!»

«Лайтман, не сходи с ума! — приказал я себе. — До выпускного вечера два месяца, и ты почти на финишной прямой. Держи себя в руках».

Но тут за окном снова пронесся истребитель «глефа». Сначала он пролетел над высокими деревьями — причем

я отчетливо услышал, как зашелестела листва на ветках, — а затем промчался сквозь облако, пробив в самом центре идеально круглую дыру и протащив сквозь нее длинные нити пара.

Секунду спустя корабль в последний раз застыл в воздухе, напоминая серебристое пятно, и, наконец, взмыв прямо в небо, исчез так же стремительно, как появился.

Какое-то время я просто сидел и смотрел в одну точку, не в силах отвести взгляд от места, где только что был корабль. Похоже, кроме меня никто его не заметил — может, его и не было?

Я всматривался в небо и отчаянно молился, чтобы странный серебристый летающий объект появился снова. Однако он бесследно растворился в пространстве, а мне теперь предстояло разбираться с последствиями. Ведь увидев истребитель, или вообразив себе, что я его видел, я запустил в мозгу небольшой оползень, который тут же начал превращаться в сокрушительную лавину противоречивых чувств и обрывочных воспоминаний, — и все они были связаны с моим отцом и дневником, который я нашел среди его вещей.

На самом деле я даже не был уверен, что это дневник. Я его так и не дочитал — меня слишком встревожили эти записи, как и мысли о психическом состоянии человека, который их сделал. Я убрал дневник туда, где нашел, и постарался забыть о его существовании. Причем до сегодняшнего дня мне прекрасно удавалось не вспоминать о нем. Зато теперь я не мог думать ни о чем другом!

Внезапно мне страшно захотелось убежать из школы и найти дневник. Времени на это ушло бы совсем немного, ведь от школы до дома ехать всего несколько минут.

Я посмотрел на дверь и на охранявшего ее мистера Сейлса, седого, коротко стриженного пожилого учителя математики в очках в толстой роговой оправе. На нем, как всегда, были черные мокасины, черные брюки, белая рубашка с короткими рукавами и черный галстук на клипсе. Он работал в школе более сорока пяти лет, и, судя по фотографиям из старых школьных альбомов, его костюм в стиле ретро за все это время совсем не изменился. Мистер С. в этом году наконец-то уходил на пенсию, что не могло не радовать —

ведь ему все стало фиолетово еще в прошлом веке. Сегодня он потратил первые пять минут на то, чтобы объяснить нам домашнее задание, а затем поручил делать его до конца урока. Сам же он, не обращая на нас внимания, занялся разгадыванием кроссворда. Однако если бы я попытался смыться, мистер С. непременно бы меня заметил...

Я перевел взгляд на древние часы, встроенные в зеленую кирпичную стену над старой доской, и понял, что до звонка еще тридцать две минуты.

Столько я не протяну. После всего, что я увидел, я не выдержу и тридцати двух секунд!

Слева от меня Дуглас Нотчер, как всегда, изводил сидевшего перед ним Кейси Кокса — застенчивого прыщавого парнишку. Обычно Нотчер просто дразнил беднягу, но сегодня решил применить старое испытанное средство — жеваную бумагу. Перед ним на парте возвышалась гора пропитанных слюной снарядов, и в данный момент он обстреливал ими Кейси. Затылок бедняги давно уже стал влажным. А двое дружков Нотчера на задней парте подбадривали его и весело фыркали при очередном точном попадании. Меня ужасно это злило. Однако поделаться я ничего не мог — и, похоже, Нотчеру это как раз таки нравилось.

Я взглянул на мистера Сейлса, — тот был поглощен кроссвордом и не обращал внимания на происходящее. Нотчер постоянно этим пользовался. А мне каждый день приходилось подавлять в себе желание врезать ему по зубам.

После инцидента, случившегося в средней школе, нам с этим типом удавалось держаться подальше друг от друга. Но в этом году жестокая судьба определила нас в один класс математики — и к тому же усадила за соседние парты, так что у меня были все основания думать, что вселенная решила сделать мой последний год в школе как можно более адским.

Произволом судьбы можно было назвать и тот факт, что в наш класс попала Эллен Адамс — моя бывшая подруга. Она сидела чуть правее и немного позади меня. Эллен была моей первой любовью — мы с ней одновременно лишились невинности, — но она бросила меня ради какого-то борца из соседней школы, и с тех пор, хоть и прошло почти два года, каждый раз, когда я видел ее веснушки или длинные рыжие

волосы, которые она то и дело откидывала назад, мое сердце снова и снова сжималось от боли. На то, чтобы забыть о существовании Эллен, у меня обычно уходил целый урок...

В общем, я был вынужден сидеть в одном классе с заклятым врагом и бывшей девушкой, и поэтому каждая математика становилась моим личным тестом «Кобаяси Мару» — жестоким, проигрышным сценарием, который испытывал на прочность мою психику. К счастью, судьба слегка подправила кошмарную ситуацию, отправив в этот же класс двух моих лучших друзей. Если бы не Круз и Дил, я слетел бы с катушек в первую неделю.

Я снова бросил взгляд на них. Дил — высокий и тощий, а Круз — низкорослый и коренастый. И того, и другого звали Майкл, поэтому я еще с начальной школы стал обращаться к ним по фамилии, чтобы избежать путаницы.

Они по-прежнему о чем-то оживленно спорили, и я невольно прислушался.

— Жало — даже не меч, а просто светящийся в темноте хоббитский нож, которым намазывают джем на булочки, лембас и прочую фигню.

Круз закатил глаза.

— Твой ум затуманила привычка к курительному зелью полуросликов, — процитировал он. — Жало — это эльфийский меч. Его выковали в Гондолине в Первую эпоху, и он все что хочешь может разрубить! А сияет он только тогда, когда рядом орки или гоблины. А что может обнаружить твой Мельнир? Только скверные акценты и заиндевевшие волосы.

Мне ужасно хотелось рассказать им об увиденном, но в такую историю не поверили бы и лучшие друзья. Скорее всего, они решили бы, что у меня очередной приступ психической неуравновешенности. И, возможно, оказались бы правы.

— Это хоббитам нужно обнаруживать врагов, чтобы поскорее удрать в нору! — прошептал Дил. — А у Мельнира такая мощь, что он способен разрушить горы. И к тому же он стреляет зарядами энергии, создает силовые поля и призывает молнии. Этот молот всегда возвращается в руку Тора, даже если для этого ему нужно пробить дыру в целой пла-

нете! И владеть им может только Тор! — Дил откинулся на спинку стула.

— Чувак, твой Мельнир — лажа. Все равно что обычный швейцарский складной ножик, только с магией, — возразил Круз. — Он даже хуже, чем кольцо Зеленого Фонаря! Этому молоту каждую неделю придумывают новую способность, чтобы Тор мог выпутаться из очередной дурацкой переделки. И кстати, Мельниром пользовалась куча людей, в том числе и Чудо-Женщина в выпуске-кроссвере. Погугли! Так что все твои доводы несостоятельны, Дил, — закончил он, усмехнувшись.

Лично я, скорее всего, выбрал бы Экскалибур — такой, каким он показан в одноименном фильме. Но у меня не было настроения вмешиваться в спор. Я снова посмотрел на Нотчера — в этот момент он запускал очередной огромный комок жеваной бумаги в Кейси. Снаряд угодил бедняге в и без того уже влажный затылок и упал на пол в кучу других таких же комков. Кейси на мгновение замер, но не обернулся, а еще ниже съехал по стулу, ожидая прилета очередного слюнявого снаряда от своего мучителя.

Поведение Нотчера, очевидно, было как-то связано с тем фактом, что его отец — агрессивный алкоголик, однако оправданием для садизма это не являлось. У меня самого проблемы с отцом, но я же из-за этого не отрываю мухам крылья. С другой стороны, я действительно не очень-то умею держать себя в руках, и случаи из моей жизни, связанные с применением физического насилия, прекрасно задокументированы государственной системой образования.

Ах да, еще я видел в реале космический корабль пришельцев из своей любимой видеоигры. Так что не мне судить о психическом состоянии других людей.

Я посмотрел на одноклассников и заметил, что все, кто сидел рядом с Кейси, уставились на него и, возможно, прикидывали, даст он наконец отпор Нотчеру или нет. Однако Кейси тупо глазел на мистера Сейлса, а тот, увлеченный разгадыванием кроссворда, совсем не замечал, что перед ним разворачивается мощная драма из жизни подростков.

Нотчер дал очередной залп, и Кейси сполз еще ниже. Я сделал то, чем занимался весь семестр, — постарался не

дать гневу выплеснуться наружу, сосредоточиться на чем-нибудь другом и не лезть не в свое дело. Увы, надолго меня не хватило. Все мы просто наблюдали за тем, как Нотчер мучает Кейси. И от этого я не только возненавидел самого себя, но и почувствовал отвращение к людям вообще. Если во вселенной есть другие цивилизации, кто из них захочет установить с нами контакт? Если мы так обращаемся друг с другом, то о какой доброте может идти речь в отношениях с жукоглазыми инопланетянами?

Я подумал об истребителе «глефа», и нервное напряжение еще больше усилилось. Я попытался взять себя в руки и напомнил себе об уравнении Дрейка и парадоксе Ферми. Я знал, что где-то во вселенной, скорее всего, существует жизнь. Но вселенная так велика, что наши шансы установить с ней контакт астрономически малы, особенно в течение моей жизни. Скорее всего, все мы застрянем здесь, на третьем камушке от нашего солнца, — а после смело отправимся в небытие.

Почувствовав боль, я понял, что с такой силой сжимаю челюсти, что мои зубы вот-вот треснут. Я разжал челюсти и посмотрел на Эллен. Она, как и многие, с сочувствием и жалостью следила за Кейси, и это стало для меня последней каплей.

— Зак, что ты делаешь? — услышал я за спиной испуганный шепот Дила. — Сядь!

Я и не заметил, как поднялся с места и направился к Нотчеру и Кейси.

— Брось, чувак, не лезь! — попытался остановить меня Круз.

У меня перед глазами уже расплывалась кровавая пелена. Мне хотелось ухватить Нотчера за волосы и изо всех сил приложить мордой о парту — а затем еще и еще раз. Однако я не стал этого делать. Я просто нагнулся, сгреб размокшие комки серой жеваной бумаги, что лежали на полу за стулом Кейси, слепил из них один большой снаряд и запустил им в голову Нотчера. Удар получился классный, и это страшно меня порадовало.

Нотчер выскочил из-за парты, но увидев меня, замер на месте. Глаза его расширились, и он слегка побледнел.

По классу пронесся гул голосов. Приготовившись стать свидетелями очередного нашего столкновения, одноклассники затаили дыхание — каждый знал, что между мной и Нотчером в младшей школе произошла стычка, и мысль о возможном реванше взбудоражила всех не на шутку. Седьмой урок внезапно стал очень интересным.

— Решил наконец вступить за своего бойфренда, Лайтман? — прошипел Нотчер и, смахнув на пол застрявший в волосах комок жеваной бумаги, с ненавистью уставился на меня.

Сжав кулак, я шагнул к нему, подготовившись хорошенько врезать. И надо сказать, это произвело эффект: Нотчер дернулся, отпрянул назад и, споткнувшись о стул, едва удержался на ногах, а когда восстановил равновесие и снова посмотрел на меня, его щеки пылали от стыда.

В классе повисла мертвая тишина. Слышно было лишь, как древние часы на стене отсчитывали секунды.

«Ну, давай! — хотелось мне крикнуть. — Ударь меня. Только дай повод!»

Но гнев в душе Нотчера уже уступил место страху — возможно, он понял, что я вот-вот сорвусь.

— Псих, — пробормотал он и, показав мне фак, сел на свое место.

Пару мгновений я еще стоял над ним с занесенным для удара кулаком, а когда опустил руку, одноклассники с облегчением выдохнули. Кейси даже не кивнул мне в знак благодарности — поймав мой взгляд, он только еще больше сгорбил за партой, точно побитый пес.

Я украдкой посмотрел на Элен и заметил, что ее глаза устремлены прямо на меня. Но едва наши взгляды встретились, она сразу отвернулась. Ни один человек в классе не смотрел на меня — за исключением Круза и Дила, причем оба выглядели обеспокоенными.

Именно в этот момент мистер Сейлс наконец оторвался от кроссворда и заметил, что я все еще нависаю над Нотчером, словно маньяк с топором. Неуклюже нащупав свой слуховой аппарат, мистер С. включил его, смерил нас с Нотчером строгим взглядом и спросил:

— В чем дело, Лайтман?